

«Для меня тоже это впервые. Говорить с кем-то... длинноухим».

Мужчина, которого только что называли «длинноухим», вздохнул. Его длинные уши дрогнули, добавляя без того так ясной реакции большее недовольство.

«Нас, детей Эландоса, так называют только люди».

«...»

«А ты короткоухая».

Хоть она воспринимала слова на этом языке привычно и переводились они у неё в голове автоматически, что такое Эландос – она не знала. Но, в любом случае, она незамедлительно отметила обиду в его голосе.

Слово «длинноухие» использовалось для их описания лишь людьми, а не самими представителями расы. И, обычно, подобное описание не упоминалось в хорошем ключе в мире Дживу, в котором она жила сейчас.

‘Видимо, это слово – знак дискриминации’.

Это было настолько очевидным, что она прикусила язык. Дживу незамедлительно извинилась.

«Я приношу свои извинения. Просто я всё ещё не обладаю обширными лексическими знаниями».

Разговор на этом закончился. Тишину нарушал лишь треск поленьев в костре.

Он уставился на Дживу, которая не поела даже сочного мяса, не говоря уже о ягодах, и произнёс мягким голосом.

«Тогда тебе не обязательно говорить на языке, которого не знаешь».

«...»

«Я рад, что рана не так глубока. Пойдём. Промоем её и продезинфицируем».

«Мне это не нужно».

Он взял Дживу за руку, но она её выдернула. Но он не сдался и вновь потянулся к её ладони. Дживу стыдливо пожала плечами и взглянула на него.

«Я знаю, что ты спасла меня от заражения миазмой».

«Ах, так вот почему ты хочешь помочь мне?»

Лоб его нахмурился.

Она попала в точку. Акарна же может делать что-то не только ради Империи. Монстры нападали не только на людей. Это существо, скорее всего, было тяжело ранено зверем до этого, и должно было умереть, не обнаружив его.

Наверное, он думал, что Акарна может ему ещё понадобиться. Но он нахмурился, и длинные уши встали торчком.

«Я понимаю, что это недопонимание, всё не так. Просто я хочу отплатить человеку, который спас мне жизнь».

«Мне это не нужно».

«Тогда позволь хотя бы сопроводить тебя до людской деревни».

«Кто-нибудь сам придёт мне на помощь».

Тогда он, без перерыву болтавший, вдруг замолк.

«...Хорошо».

Видимо, ему было больше нечего сказать. В любом случае, эти расы не жаловали людей. Наверное, даже это было большим одолжением – довести её до деревни.

Но он не хотел делать одолжения человеку, продолжавшему отказывать ему, который лишь желал помочь.

Вместо этого он собрал ягоды и кожаные мешочки с водой. Мясо, приготовленное на огне, завернул в широкий лист и положил рядом с фруктами.

Увидев, что на Акарну накинута лишь тонкая ткань, он цокнул языком и снял свой плащ, накрывая её. Он приоткрыл губы, собираясь что-то сказать, но в конце концов взглянул в сторону выхода из убежища.

Дживу, оставшаяся одна, опёрлась на грязную стену и закрыла глаза. Она должна была поблагодарить его за оставленную еду и воду. Но она продолжала держать слова признательности на языке. Она, вроде бы, на секунду прикрыла глаза, но, вновь открыв их, увидела вокруг лишь темноту.

Костёр почти погас.

Дживу схватила плащ, которым была обёрнута, и вышла в тихий живописный лес, окружённая щебетанием птиц, дребежжанием травяных жучков и сверчков.

Конечно, вокруг не было ни души.

Спасатели так и не пришли за Дживу.

Она провела две ночи в этой необычной пещере, и её все так же никто не нашел. Дживу покинула убежище и прошла по тропе, ведущей к вершине. Там был большой оползень, в котором и валялась карета, так что она наивно полагала, что найти её будет сложно, но ошибалась.

Деревья, тянущие свои ветви к небу, были пышными, а трава – густой. Обычно люди здесь не были постоянными гостями, потому и проход был затруднённым.

Последствия падения с высокой скалы ещё не прошли, так что даже ноги переставлять было сложно, а уж идти куда-то какое-то время представлялось настоящим испытанием. Хромая, Дживу ещё больше вымоталась.

Вокруг всё было таким однообразным, что Дживу казалось, она ходит по кругу по одной и той же дороге.

Дживу, петлявшая по густому лесу, остановилась возле небольшого ручейка. Лицо её отражалось в чистой глади воды словно в зеркале.

Она зачерпнула воду рукой, выпила и умылась несколько раз. Затем она осознала, что тело её покрыли капли пота от жара.

‘Такими темпами я ещё больше заболёю’.

Она поняла одну вещь, пока была храмовой Акарной. Хотя раны на теле заживали быстро, душевная боль не исцелялась одномоментно. И в этот раз она точно столкнулась с ней.

Она хотела подняться и идти дальше, но никаких сил не было. Дживу, придерживаясь рукой за ствол огромного дерева, постаралась сесть. Она закрыла глаза и сосредоточилась на звуке текущей воды.

Когда она очнулась, казалось, её тело парит в воздухе. Ещё чувствовался приятный аромат. Дживу бессознательно прижалась к тому, что источало приятный запах, и наконец пришла в чувства.

Кто-то нёс её.

Когда Дживу приподнялась и попыталась выбраться, он остановил её.

«Уф...»

«Сиди смирно».

«Что... что происходит?»

«Ты была без сознания три дня. Разве ты не говорила, что кто-то точно придёт тебе на помощь? Так почему этим "кем-то" не могу быть я?»

«Отпусти, отпусти меня...»

«Не могу. Тогда ты умрёшь».

Но, на самом деле, она не особо-то и цеплялась за свою жизнь.

Не размышляя над тем, что у Дживу на уме, он немного подкинул её, чтобы она удобнее устроилась на его спине.

Она не могла позволить кому-то вот так её куда-то тащить. Если она уйдёт далеко от того места, то её никто не найдёт. Ей нужно вернуться.

И, видимо, всё же поняв, что у Дживу на уме, он заговорил.

«Забудь об этом, я тебя верну, когда восстановишься».

После его слов Дживу перестала брыкаться, поняв, что приносит ему неудобства.

«Ты меня вернёшь?»

«Да. Я сам верну тебя домой в целости и сохранности».

«...Домой».

На самом деле, он не знал, откуда Дживу, но был уверен, что она – жительница Империи.

Но когда она услышала слово “домой”, лишь одно место приходило на ум. Тело всё болело, от чего стало ещё хуже. И она начала скучать по тому мужчине ещё больше, чем раньше.

«Ты правда вернёшь меня, когда мне станет лучше?»

«...Да».

Дживу попыталась унять тревогу внутри.

«Я хочу домой...»

Она и не надеялась, что её мечта исполнится. Но сердце её успокоилось благодаря тому, что она хотя бы допускала возможность её осуществления.

Жар усиливался и ей становилось всё хуже.

Такое с ней случалось, когда она перерабатывала в храме. Однако слуги даже не приносили ей лекарств и, конечно, не заботились о ней.

Тело её им казалось слишком слабым. Именно поэтому лучше было оставить её и обречь на спокойную смерть, а потом найти новый, здоровый сосуд. В этом и была причина. Так что Дживу приходилось терпеть эту боль в одиночку с единственной служанкой, которая хоть немного заботилась о ней.

Даже когда горячка спадала, Дживу не могла позволить себе хотя бы немного отдохнуть. Она понимала, что не сможет полноценно выполнять свои обязанности Акарны, но всё равно рвалась работать. Потому что священники хотели убить её, чтобы дух Акарны вселился в новое тело.

Вот так в храме и чествовали Акарну.

«Еда. Бери».

«Нет, нет...»

Не в себе от лихорадки, Дживу отказывалась даже от еды, которую мягко предлагал ей он. Она думала, что он тоже, может быть, хочет убить её ядом.

«Эй, она безопасна».

Он успокаивал Дживу, которая внезапно задёргалась от страха, и показал ей лекарство.

Мутная жидкость была схожа с жаропонижающим, с которым она уже встречалась.

«Это лекарство».

«Л-лекарство?»

«Да. Чтобы понизить температуру. Это опасно, если она повысится ещё больше. Тебе нужно её понизить. Срочно».

Однако её трясущееся тело было неспособно принять его, даже выпить его было бы затруднительно.

Мужчина цокнул языком, а затем проглотил лекарство и поцеловал Дживу.

«Ммпф!..»

Шокированная Дживу нахмурилась и оттолкнула его, но он придержал её подбородок, чтобы лекарство не вылилось из её рта.

Она почувствовала горький вкус лекарства, но затем успокоилась, когда на смену пришёл сладкий оттенок.

Каждый раз, когда на язык попадала горькая жидкость, через время чувствовалась сладость.

Задумавшись, Дживу осознала, что от мужчины не пахло потом, может быть в силу того, что он был другой расы. Наоборот, от него исходил приятный цветочный аромат.

Дживу поняла, что сладость, смешанная с горьким вкусом лекарства, была от его слюны.

Тело, слабевшее от голода, инстинктивно следовало за этим сладким привкусом.

Чтобы унять горькое ощущение, Дживу за раз проглотила всё лекарство и сплела их языки грубее.

Это был поступок, который она сделала, чтобы выжить, хотя жизнь ей не приносила никакого удовольствия. Сможет ли она когда-нибудь вновь почувствовать такую безусловную заботу? Дживу была так поглощена поцелуем, что, ей казалось, отдались она от мужчины, сразу же умрёт, потому пыталась ухватиться за этот момент. Густая сладкая слюна наполняла её рот каждый раз, когда их языки соприкасались. Будто она пила эликсир жизни.

В конце концов, он схватил её за плечо и отдалился.

«Хаа...»

Его лицо, пока он вытирал губы тыльной стороной ладони, покраснелось сильнее, чем лицо Дживу, которую мучал жар.

В конце концов Дживу пришла в чувства.

«...Прости».

«Всё в порядке. Ты, видимо, до конца не осознаёшь свои действия из-за горячки».